

УДК 002.1+002.5

DOI: 10.31866/2616-7654.4.2019.187812

**ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ
НИГИЛИЗМ
Е. А. ПЛЕШКЕВИЧА**

*Юрий Столяров,
главный научный сотрудник
ФГБУН «Научный и издательский центр “Наука”»
РАН, д-р пед. наук, профессор (Москва, Россия)
e-mail: yn100@narod.ru*

Представленная статья посвящена рассмотрению двух вопросов: культуре ведения научной дискуссии и аргументам за и против теории об устном документе в современном документоведении.

На основе анализа основных тезисов, изложенных в статье «О “левом” и “правом” уклонах в российском документоведении» (2019), раскрываются и подвергаются критике основные теоретические тезисы Е. А. Плешкевича. Выражается несогласие с фактом существования каких бы то ни было уклонов в документологии. Отмечается, что расширительное понимание документа, как и документософская его трактовка свидетельствуют лишь о наличии разных взглядов на тот или иной научный вопрос. Отстаивается тезис относительно права учёного на собственное видение предмета документологии и отсутствие у него права считать уклонистами несогласных с собой.

Приписывание уклонов предполагает, что следует прямым неуклонным курсом только сам критик, самовольно взявший на себя право рассматривать остальных как уклонистов с правильного пути. Показано, что фактически критика Е. А. Плешкевича безосновательна и к тому же противоречива в своей сути.

Приводятся дополнительные аргументы в пользу понятия «устный документ», всеобщего свойства конвенциональности документа, необходимости разрабатывать всеобщую теорию документа. Освещаются современные научные взгляды на вопрос устного документирования. Подчеркивается правовая состоятельность статуса устного документа, известная со времён римского частного права, разделявшего вербальные и литеральные (письменные) договоры. Констатируется юридическая сила устных сделок и договоров.

Обосновывается позиция, согласно которой предмет документологии выводится за рамки области библиотекovedения и библиографии, а самое широкое понимание документа может быть распространено на весь мир.

Ключевые слова: документология, всеобщая теория документа, документософия, устный документ, свойство конвенциональности документа.

Принимать ту или иную точку зрения или критиковать её – полное право каждого исследователя. Но простого неприятия мало, критика тогда достигает желаемой цели, когда ей противопоставляется иная, более аргументированная точка зрения. Рассмотрим с этой позиции взгляды Е. А. Плешкевича, выраженные в его статье «О “левом” и “правом” уклонах в российском документоведении» (Плешкевич, 2019).

Начнём со слова «уклоны», ставящего критикуемых в заведомо проигрышную позицию: неважно, какой из уклонов хуже, важно, что все критикуемые отклоняются от истинного, прямого пути, по которому следует автор, осуждающий эти

отклонения. Но если уж следовать автору изречения, который дважды сказал, что «оба уклона хуже», то полезно иметь в виду, что в более раннем из них – в Политическом отчёте ЦК XIV съезду РКП(б) (1925), – он заявил, что «нельзя так ставить вопрос», «глупо ставить вопрос о том, какой из них опаснее». Умно, по этой логике, иное: приклеил человеку ярлык уклониста, – и вот он уже враг. С известными вытекающими отсюда последствиями. Приписывание уклонов предполагает, что следует прямым неуклонным курсом только сам критик, самовольно взявший на себя право рассматривать остальных как уклонистов с правильного пути.

Е. А. Плешкевич против международного стандарта

Остановлюсь сначала на критике того, что Е. А. Плешкевич именуется левым уклоном (кавычки он в тексте статьи снял). Критик возражает против опирающейся на международный стандарт расширительной трактовки документа как любого материального объекта, свидетельствующего о чём-либо существенном для данной семантической системы. Из этой трактовки следует, в частности, что если информацию можно получить непосредственно от человека, то человек и будет материальным носителем информации, имеющей статус устного документа (Столяров, 2018). Эту идею выдвинул ещё Н.А. Рубакин, её разделяют другие авторы (Полтавская, 2013, с. 18; Buckland, 2017, p. 17). В. П. Козлов видит «смысл выделить особый подкласс документов “устного документирования”, создающегося в стихийной и в определённой степени организованной формах» (Козлов, 2011, с. 91). Е. А. Плешкевичу концепция устного документа представляется не состоятельной.

В международной дефиниции определяющим для придания объекту статуса документа является его принципиальная возможность служить единицей интересующего исследователя семантического процесса. Такая возможность является предметом обсуждения и консенсуса между участниками этого процесса. Е. А. Плешкевич подвергает сомнению и этот момент – и тоже в принципе имеет на это право.

Об остальных ключевых положениях расширительной трактовки документа он умалчивает: то ли с ними соглашается, то ли пока накапливает контраргументы. Ну что ж, рассмотрим имеющиеся контраргументы против понятия «устный документ». О контраргументах против свойства конвенциональности вынужденно, нарушая ход собственного изложения, придётся писать позднее – далее станет понятно почему.

Устный документ плох для Е. А. Плешкевича тем, что в случае правовых коллизий он лишает возможности сослаться на письменно зафиксированные взятые сторонами на себя обязательства. Такой принципиальный недостаток у устного документа, как это ни прискорбно, действительно имеется. Но примеров, когда точно так же, как и взятые устно, нарушаются письменные договоры, хоть пруд пруди. Претензии в этом случае надо, однако, предъявлять к субъектам договорённости, а не к устной или письменной форме её фиксирования.

Правовая состоятельность статуса устного документа хорошо известна со времён римского частного права, разделявшего договоры *вербальные* и *литеральные* (письменные). *Вербальными* назывались договоры, устанавливаемые устным произнесением определённых слов, формул или фраз, – т. е. как раз рассматриваемый в данном случае их вид. К ним относились, например, обещание приданого,

клятва вольноотпущенника (в верности патрону, т. е. бывшему господину). В императорской России словом купца первой гильдии заменялся письменный договор на любую сумму, и в случае невозможности выполнить данное купцом слово он был готов пожертвовать скорее своей свободой, а то и жизнью, нежели честью. Примером устной сделки служат также так называемые джентльменские соглашения любого уровня, вплоть до международных. Согласно статье 159 Гражданского кодекса Российской Федерации, устно могут совершаться все сделки исполняемые при самом их совершении, за исключением тех, для которых установлена нотариальная форма, а также сделок, несоблюдение простой письменной формы которых влечёт их недействительность.

Более того: правовой характер имеет не просто устная, но даже *молчаливая сделка!* Статья 158 Гражданского кодекса России признаёт таковой, «когда из поведения лица явствует его воля совершить сделку. Молчание признаётся выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом, или соглашением сторон». Статья 206 украинского Гражданского кодекса по сравнению с Гражданским кодексом России расширяет устные возможности: «Сделки во исполнение договора, заключённого в письменной форме, могут по договорённости сторон совершаться устно, если это не противоречит договору или закону».

Так что документ в устной форме существования (к тому же имеющий правовую силу!) известен на протяжении тысячелетий, и только документологи пока что опасаются признать его равноправным с другими формами. Как бы то ни было, довод (единственный) Е. А. Плешкевича против признания за устным сообщением статуса возможного документа отводим.

Устный документ, как я уже имел возможность отмечать, во многих отношениях письменному документу уступает. Но он имеет перед ним и преимущество, которое замечал ещё Сократ: «...дурная особенность письменности, поистине сходной с живописью: её порождения стоят, как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят как разумные существа, но если кто спросит о чём-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. ... Если им [написанным текстом] пренебрегают или несправедливо его ругают, он нуждается в помощи своего отца, сам же не способен ни защититься, ни помочь себе» (Платон, 1879, с. 275). Потому Сократ и не оставил после себя записанного текста, и, если бы не Платон, человечество осталось бы без знания и о существовании, и о мудрости Сократа. Впоследствии Иисус Христос тоже, как известно, принципиально отказывал письменности в праве на существование (писать надо «...не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца» (2 Кор. 3:3)) и тоже остался известен только благодаря записям евангелистов, сделанных ими по памяти через несколько десятилетий по смерти основателя новой религии.

Е. А. Плешкевич против документософского подхода

Правым уклоном Е. А. Плешкевич считает наделение документа «некой мифической субъектностью, позволяющей определять ход развития цивилизации». Идеолог этой концепции В. П. Козлов предложил рассматривать документ как «особое явление в человеческой жизнедеятельности, требующее такого же изучения, как политика, экономика и культура», а также как «прямое и опосредованное цивилизационное проявление, как элемент внутри общественного взаимо-

действия, взаимодействия человека и общества, человека и государства» (Козлов, 2009, с. 4, 7). Документ, в соответствии с его представлениями, проживает шесть жизней, которые «можно объяснить категориями философского знания, культурологии, психологии, прагматическими соображениями», и всё же таких объяснений будет мало, поскольку «документ в зависимости от настройки взгляда на него изменчив, как хамелеон, и неопределён в своих состояниях, как ртуть» (Козлов, 2011, с. 108). Именно эта сложность, делающая документ ни много ни мало «доминирующим фактором человеческой жизнедеятельности» (Там же, с. 109), Е. А. Плешкевича и пугает; ему понятен документ как феномен простой, механистически примитивный.

Идеи В. П. Козлова получили развитие в докторской диссертации Г. А. Двоеносовой (Двоеносова, 2017), где документ рассмотрен как продукт глобального исторического развития общества, как универсальный социальный инструмент, действующий в масштабе социосферы (Двоеносова, 2017, с. 77). За это со стороны Е. А. Плешкевича и Г. А. Двоеносова подвергается остракизму.

К каждому из названных авторов вопросы действительно имеются, но иные по сравнению с выдвинутыми Е. А. Плешкевичем; в данном случае опустим их. Заметим лишь, что то, за что он их критикует, как раз представляет собой ценную попытку документософского (термин А. В. Соколова (Соколов, 2016а, 2016б) осмысления основного предмета нашего внимания. Впрочем, частные претензии Е. А. Плешкевича к Г. А. Двоеносовой основания под собой имеют. Но в чём суть несогласия с В. П. Козловым, понять невозможно.

Отвергая то, что он посчитал уклонами (на самом деле – разными отношениями к одному и тому же явлению), автор введения этого термина внятно осветил своё представление о неуклонном пути к намеченной цели. А какое определение документа считает истинным Е. А. Плешкевич? Пользуясь его же стилистикой, скажем: ответа нет.

Допустим, он прав, и «дефиниция документа – это продукт либо прикладных терминологических исследований, ориентированных на практическую деятельность, либо результат теоретических построений». Вот тут-то и самое бы место авторскому определению документа как продукта и/или как результата.

Е. А. Плешкевич против единой теории документа

Однако пишет он о другом: «Претензии на создание некой “единой теории документа” и выработка его универсального определения нам кажутся бесперспективными. Вместе с тем мы не исключаем возможности создания оригинальных общих теорий документа, подобно «общей физике» или «общей биологии», ориентированных на рассмотрение ключевых для разных направлений вопросов. Поэтому в научных словарях и энциклопедиях, в отличие от терминологических стандартов, должно присутствовать несколько ключевых определений документа, совокупность которых даёт всю гамму представлений о нём» (Плешкевич, 2019, с. 39). То есть, говоря проще: универсальные определения бесперспективны, зато общие возможны. Между тем слово «universalis» в переводе с латыни означает «общий, всеобщий, относящийся к целому». Возможность универсального определения он отвергает, зато допускает наличие множества общих. Между тем известно, что слово «общий» означает «относящийся ко всему, всем; распространяющийся на всех, всё; охватывающий всех, всё», «весь, целый, совокупный».

Внутренняя противоречивость логического построения Е. А. Плешкевича налицо. Предложение ввести несколько общих дефиниций документа выглядит особенно странно на фоне его же призыва придерживаться принципа бритвы Оккама, т. е. не умножать сущностей без надобности.

Е. А. Плешкевич отрицает конвенциональную природу документа

Не предлагая собственного определения документа, автор переходит к критике постулата о конвенциональности документа как его сущностной характеристики.

Сначала поясню суть вопроса. При всех частных расхождениях в трактовке природы документа к числу отрадных моментов относится совпадение взглядов российских и американских документологов в одном глубинном пункте: представлении о том, что понятие документа не только относительное и условное, но и конвенциональное. Что это означает и почему имеет принципиальное значение? Того обстоятельства, что какой-либо объект или записанная информация могут выступать в качестве кванта некоего семантического процесса, для практического пользования понятием «документ» недостаточно, в ряде случаев требуются дальнейшие соглашения между субъектами, вовлечёнными в этот процесс.

Поясню эту мысль двумя примерами. Документом, согласно ст. 1 украинского Закона «Про інформацію», считается «матеріальний носій, що містить інформацію, основними функціями якого є її збереження та передавання у часі та просторі». С этой точки зрения всё, что когда-либо и где-либо опубликовал, например, Е. А. Плешкевич, в принципе можно считать документами. Однако совершенно очевидно, что абсолютное большинство семантических систем откажутся воспринимать его труды как, например, документы платёжные, проездные, управленческие и т. д. Даже для несомненно профильных систем – например, вузовских библиотек – сначала придётся договариваться: для вузов какого профиля будем считать их пригодными, при каких ограничениях – по финансовым возможностям, актуальности, новизне, научной значимости – станем их приобретать, в какой экземпляжности, сколько лет намерены хранить, кому выдавать и т. д. Без решения всех этих вопросов документисты впадут в ступор и в своей практической деятельности не смогут продвинуться и на шаг.

В таких же многочисленных предварительных оговорках и согласованиях нуждается практически каждая *«інформація, зафіксована на матеріальному носії, основною функцією якого є зберігати та передавати її в часі та просторі»* (Державний стандарт України «ДСТУ 2732-2004 Діловодство й архівна справа»). Необходимость согласованного (конвенционального) подхода к каждому документу каждой документо-коммуникативной системы позволяет иметь дело только с профильными, актуализированными, ценными и т. д. документами. Каждое документское учреждение – а это абсолютно все хозяйствующие субъекты, общественные организации, органы власти и управления – повседневно и нескончаемо только и делает, что на всех уровнях связи согласовывает содержание и форму, порядок прохождения и исполнения документов. Без конвенционального подхода во всём мире мгновенно наступил бы документационный коллапс.

Е. А. Плешкевич же подходит к этому вопросу легковесно. Ему представляется, что «в своём вольном пересказе идей Бакленда Столяров и иже с ним перевели

“конвенциональный” во втором, – так сказать, русском значении», т. е. как «согласованность и соответствие договорённостям» (Плешкевич, 2019, с. 40).

Внесу ясность: термин “конвенциональный” «Столяров и иже с ним» ввели самостоятельно, без оглядки на Майкла Бакленда или кого-либо иного. Значение этого термина они приняли тоже безотносительно к М. Бакленду, но просто потому, что этимологически слово «конвенциональный» представляет собой кальку с латинского *conventionalis* – соответствующий договору, согласованный, или «условный, общепринятый, соответствующий традициям». Если идея конвенциональности и ложная, как утверждает наш критик, то не потому, что «Столяров и иже с ним» вольно пересказали заокеанского коллегу – документолога и библиотковеда, а потому, что античные римляне придали этому слову неправильное, с точки зрения Е. А. Плешкевича (но, по счастью, только его одного, «иже с ним» назвать некого), значение.

Пикантность рассматриваемой ситуации состоит в том, что М. Бакленд при всём желании не имел возможности (и желания) трактовать слово «конвенциональный» так, как пожелалось Е. А. Плешкевичу. Будучи англичанином по происхождению и американцем по гражданству, он не имел нужды переводить это английское, восходящее к латыни, слово; он им просто пользовался, подразумевая то, что принято в английском языке: конвенциональный – это главным образом «обусловленный», «договорённый». Если люди договорились до чего-то вполне их устраивающего, они пользуются этим в течение долгого времени, и тогда «*conventional*» становится эквивалентом понятий «обычный, общепринятый, стандартный, традиционный». Е. А. Плешкевич «Столярову и иже с ним» приписал вольный пересказ идей Бакленда, а самому Бакленду приписал такое истолкование слова «конвенциональный», какое ему (Плешкевичу) захотелось.

Главное, однако, в ином: что же ложно в «вольном пересказе» и как пересказать Бакленда следовало? Вместо ответа на этот жгучий вопрос Е. А. Плешкевич поднимает в своих рассуждениях ещё один вопрос, переходя теперь к критике «правого уклона» в документологии. Через одну фразу (по поводу мифологизации социальной роли документа, хотя фактически речь следовало бы вести о гиперболизации формы документа в ущерб его содержанию) он возвращается к трактовке конвенциональности документа, теперь уже документоведом Г. А. Двоеносовой. От упрёков в вольном пересказе Бакленда она освобождается, зато её рассуждения о конвенциональности делопроизводственного документа квалифицируются теперь как уклон правый.

В итоге же нас ожидает ещё одна неожиданность, на сей раз приятная. Вдруг выясняется, что идею конвенциональности вслед за раскритикованными «лево-правыми уклонистами» Е. А. Плешкевич признаёт и сам (!), но по отношению только к форме документа (Плешкевич, 2019, с. 41). Ну что ж, и на том спасибо: нашим критиком сделан первый правильный шаг на пути к осознанию сущности документа.

Документологический пессимизм Е. А. Плешкевича

Алогичность своих рассуждений Е. А. Плешкевич проводит до самого конца своей статьи: «В заключение хотим подчеркнуть, что угроза “левого” уклона в том, что размывается пространство науки о документе, поскольку антилопа

Брие и столяровский “устный” документ никогда не станут библиотечно-библиографическими объектами <...>».

Придётся возразить и здесь. Во-первых: разве предмет документологии ограничивается только областью библиотековедения и библиографии? Е. А. Плешкевич, к счастью, и сам усвоил, что самое широкое понимание документа может быть распространено на весь мир. Во-вторых: неужели пространство науки о документе столь ограничено, что может быть размыто только по этим мелким причинам? В-третьих, в силу относительности, условности и конвенциональности документа никому, кроме критика, не приходит мысли загонять антилопу в библиотечное фондохранилище. В-четвёртых: а вдруг устный документ, правомерность существования которого в данном контексте Е. А. Плешкевичем признаётся, при каких-либо обстоятельствах да библиотечно-библиографическим объектом станет? Ведь тогда Е. А. Плешкевичу придётся согласиться, что угроза, которой он так испугался, либо не левая, либо вообще существует только в его воображении.

В сухом остатке

Какие выводы напрашиваются после прочтения статьи Е. А. Плешкевича?

1. Что ошибочно вводить в сознание читателей представление о существовании уклонов, поскольку каждый исследователь обладает правом на собственное видение предмета документологии, но лишён права считать уклонистами несогласных с собой. Расширительное понимание документа – да, место имеет, документософская его трактовка – да, наличествует. А уклоны отсутствуют. Особенно трудно зачислить в уклонисты самого Е. А. Плешкевича, так как понять, в какую сторону клонится он, крайне затруднительно, поскольку собственное представление о сущности документа он оставил при себе.

2. Что критика должна быть конструктивной. Повесив на инако, чем Е. А. Плешкевич, мыслящих, ярлык правых или левых уклонистов, требуется проложить и осветить прямой путь. Иначе «уклонистов» вместо вдохновения накроет волна полного уныния, и появится соблазн квалифицировать Е. А. Плешкевича не как критика, а как критикана.

3. Что голый нигилизм, к тому же вырастающий на пустом месте, – плохое подспорье действительному развитию документологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Двоеносова Г. А. Синергетическая теория документа : дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2017. 490 с.
- Козлов В. П. Жизнь документа. *Достоинство историка. К 90-летию со дня рождения академика РАН Юрия Александровича Полякова* / ред. В. А. Тишков. Москва, 2011. С. 88–110.
- Козлов В. П. Общая теория документа. *Делопроизводство*. 2009. № 3. С. 13–12.
- Платон. Диалоги Платона. Вып. 1. / пер. Н. Горбова. Москва : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1879. С. 275.
- Плешкевич Е. А. О «левом» и «правом» уклонах в российском документоведении. *Термінологія документознавства та суміжних галузей знань* : зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т культури і мистецтв, Укр. наук.-досл. ін-т арх. справи та документознавства, Спілка архівістів України ; за заг. ред. В. В. Бездрабко. Київ, 2019. Вип. 11. С. 35–42.

- Полтавская Е. И. Информация субъективная, социально опредмеченная, и документ. *Науч. и техн. информ.* Сер. 2. 2013. № 8. С. 12–19.
- Соколов А. В. Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива. *Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки* : сб. статей / сост. и отв. ред. Е. А. Воронцова. Москва, 2016а. С. 67–87.
- Соколов А. В. На путях познания документосферы. Ч. 1–3. *Науч. и техн. б-ки.* 2016б. № 5. С. 7–28; № 6. С. 3–22; № 7. С. 3–23.
- Столяров Ю. Н. Устный документ. *Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук.* 2018. № 2. С. 24–36.
- Buckland M. *Information and Society.* Cambridge-Massachusetts : The MIT Press, 2017. 232 p.

REFERENCES

- Dvoenosova, G.A. (2017). *Sinergeticheskaiia teoriia dokumenta [Synergetic theory of the document]* (Doctor's thesis). Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow [in Russian].
- Kozlov, V.P. (2011). Zhizn dokumenta [Life of a document]. In V. A. Tishkov (Ed.), *Dostoinstvo istorika. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAN Yuriya Aleksandrovicha Polyakova [The dignity of a historian. On the occasion of the 90th birthday of academician of the RAS Yuri Alexandrovich Polyakov]* (pp. 88-110). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) [in Russian].
- Kozlov, V.P. (2009). Obschaya teoriya dokumenta [General document theory]. *Deloproizvodstvo*, 3, 13-12 [in Russian].
- Plato. (1879). *Dialogi Platona [Dialogues of Plato]* (N. Gorbov, Trans.) (Iss. 1). Moscow: Tip. A.I. Mamontova i K° [in Russian].
- Pleshkevich, E. A. (2019). O "levom" i "pravom" uklonah v rossiyskom dokumentovedenii [On the "Left" and "Right" Deviations in Russian Documentation]. In V.V. Bezdrabko (Ed.), *Terminolohiia dokumentoznavstva ta sumizhnykh haluzei znan* (Iss. 11, pp. 35-42). Kyiv [in Russian].
- Poltavskaya, E.I. (2013). Informatsiya sub'ektivnaya, sotsialno opredmechennaya, i dokument [Subjective and socially objectified Information and a document]. *Nauchnaia i tekhnicheskaiia informatsiia. Seriiia 2*, 8, 12-19 [in Russian].
- Sokolov, A.V. (2016a). Dokumentosfera kak prostranstvo sinteza muzeya, biblioteki, arhiva [Documentosphere as a synthesis space of a museum, library, archive]. In E. A. Vorontsova. (Ed.), *Rol bibliotek v informatcionnom obespechenii istoricheskoi nauki* (pp. 67-87). Moscow [in Russian].
- Sokolov, A.V. (2016b). Na putiakh poznaniia dokumentosfery [On the ways of knowledge of the document sphere]. (Pt. 1-3). *Nauchnye i tekhnicheskije biblioteki*, 5, 7-28; 6, 3-22; 7, 3-23.
- Stolyarov, Yu.N. (2018). Ustnyi dokument [Oral document]. *Ukrainskyi zhurnal z bibliotekoznavstva ta informatsiinykh nauk*, 2, 24-36 [in Russian].
- Buckland, M. (2017). *Information and Society.* Cambridge-Massachusetts: The MIT Press [in English].

УДК 002.1+002.5

Юрій Столяров,
головний науковий співробітник
ФДБУН «Науковий і видавничий центр «Наука»
РАН, д-р пед. наук, професор (Москва, Росія)
e-mail: yn100@narod.ru

ДОКУМЕНТОЛОГІЧНИЙ НІГІЛІЗМ Є. О. ПЛЕШКЕВИЧА

Представлена стаття присвячена розгляду двох питань: культури ведення наукової дискусії і аргументам за і проти теорії про усний документ у сучасному документознавстві.

На основі аналізу основних тез, викладених у статті «Про «лівий» і «правий» ухили в російському документознавстві» (2019), розкриваються і зазначають критики основні теоретичні тези Є. О. Плешкевича. Виражається незгода з фактом існування яких би то ні було ухилів у документології. Відзначається, що розширене розуміння документа, як і документософське його трактування, свідчать лише про наявність різних поглядів на те чи інше наукове питання. Відстоюється теза щодо права вченого на власне бачення предмета документології і відсутність у нього права вважати ухильниками незгодних із собою.

Приписування ухилів передбачає, що йде прямим неухильним курсом тільки сам критик, самовільно перебравши на себе право розглядати інших, як ухильників з правильного шляху. Показано, що фактично критика Є. О. Плешкевича безпідставна і до того ж суперечлива у своїй суті.

Наводяться додаткові аргументи на користь поняття «усний документ», всезагальної властивості конвенційності документа, необхідності розробляти загальну теорію документа. Висвітлюються сучасні наукові погляди на питання усного документування. Підкреслюється правова спроможність статусу усного документа, відома з часів римського приватного права, яким виокремлювались вербальні і літеральні (письмові) договори. Констатується юридична сила усних угод і договорів.

Обґрунтовується позиція, згідно з якою предмет документології виводиться за рамки області бібліотекознавства та бібліографії, а саме широке розуміння документа може бути поширене на весь світ.

Ключові слова: документологія, загальна теорія документа, документософія, усний документ, властивість конвенційності документа.

UDC 002.1+002.5

Yuriy Stolyarov,
chief researcher at the Scientific and publishing center
«Nauka» RAN, Dr. Hab.
in Pedagogical Sciences, Professor
(Moscow, Russia)
e-mail: yn100@narod.ru

E. A. PLESHKEVICH' DOCUMENTOLOGY NIHILISM

The presented article is devoted to consideration of two issues: the culture of conducting scientific discussion and the arguments for and against the theory of an oral document in modern document science.

Based on the analysis of the main statements set forth in the article "On the "Left" and "Right" Deviations in Russian Documentation" (2019), the main theoretical arguments of E. A. Pleshkevich are revealed and criticized. Disagreement is expressed with the fact of the existence of any biases in documentology. It is noted that an extensive understanding of the document, as well as its document philosophical interpretation indicate only the presence of different views on a particular scientific issue. The thesis regarding the right of a scientist to his own vision of the subject of documentology is defended, and it's emphasized the lack of his right to consider as deviators those who disagree with him. Attributing deviations to someone suggests that only the critic himself follows a direct, steady course and voluntarily assumes the right to consider the others as those who deviate from the right path. It is shown that in fact the criticism of E. A. Pleshkevich is groundless and also contradictory in its essence.

Additional arguments are given in favour of the concept of "oral document", the universal nature of the conventionality of a document, the need to develop a universal theory of the document. The modern scientific views on the issue of oral documentation are highlighted. The legal validity of the status of an oral document, known since the time of Roman private law, which separated verbal and literal (written) agreements, is emphasized. The legal force of oral transactions and contracts is ascertained.

The position is substantiated, according to which the subject of documentology is beyond the scope of library science and bibliography, and the broadest understanding of the document can be extended to the whole world.

Key words: documentology, general document theory, document philosophy, oral document, document conventionality property.